

2. Аксаков С.Т. Собрание сочинений : в 4 т. М. : ГИХЛ, 1955. Т. 1.

3. Бирючева Е.С. Творчество И.Д. Сазанова в контексте русской литературы конца XIX– начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.

4. Ершов И.Н. Михаил Пришвин и российская археология. М. : Ин-т археологии РАН, 2012.

5. Московская Д.С. Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова и русская литература 1920–1930-х гг. (Проблемы взаимосвязи краеведения и художественной литературы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.

6. Сетон-Томпсон Э. Животные-герои / пер. с англ. Н. Чуковского и А. Макаровой. М. : Моск. рабочий, 1986.

7. Сазанов Ив. Враги наших полей. М. – Л. : Госиздат, 1930.

8. Сазанов Ив. С удочкой по рекам и озерам Нижневолжского края. М. – Л. : Госиздат, 1930.

9. Сазанов И.Д. Автобиография. Автобиблиография // Рос. гос. архив литературы и искусства. Ф. 466. Оп. 1. Д. 20.

10. Сазанов И.Д. Избранное / науч. ред., сост., вступ. ст. А.Х. Гольденберга ; подгот. текстов, коммент. Е.С. Бирючевой. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

11. Соболев В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестн. РАН. 2000. Т.70. №6. С. 535–541.

12. Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. М. : Худож. лит., 1985.

13. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. 1990. Вып. 1. С. 11–27.

* * *

1. Antsiferov N.P. Belletristiyi-kraevediyi (Vopros o svyazi kraevedeniya s hudozhestvennoy literaturoy) // Kraevedenie. 1927. № 1. S. 31–46.

2. Aksakov S.T. Sobranie sochineniy : v 4 t. M. : GINL, 1955. T. 1.

3. Biryucheva E.S. Tvorchestvo I.D. Sazanova v kontekste russkoy literatury i kontsa XIX– nachala XX veka : dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012.

4. Ershov I.N. Mihail Prishvin i rossiyskaya arheologiya. M. : In-t arheologii RAN, 2012.

5. Moskovskaya D.S. Lokalno-istoricheskiy metod v literaturovedenii N.P. Antsiferova i russkaya literatura 1920–1930 gg. (Problemyi vzaimosvyazi kraevedeniya i hudozhestvennoy literatury) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2010.

6. Seton-Tompson E. Zhivotnyie-geroi / per. s angl. N. Chukovskogo i A. Makarovoy. M. : Mosk. rabochiy, 1986.

7. Sazanov Iv. Vragi nashih poley. M. – L. : Gosizdat, 1930.

8. Sazanov Iv. S udochkoy po rekam i ozeram Nizhnivolzhskogo kraya. M. – L. : Gosizdat, 1930.

9. Sazanov I.D. Avtobiografiya. Avtobiografiya // Ros. gos. arhiv literatury i iskusstva. F. 466. Op. 1. D. 20.

10. Sazanov I.D. Izbrannoe / nauch. red., sost., vstup. st. A.H. Goldenberga ; podgot. tekstov, komment. E.S. Biryuchevoy. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013.

11. Sobolev V.S. Akademiya nauk i kraevedcheskoe dvizhenie // Vestn. RAN. 2000. T.70. №6. S. 535–541.

12. Chicherin A.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya. M. : Hudozh. lit., 1985.

13. Shmidt S.O. «Zolotoe desyatiletie» sovetskogo kraevedeniya // Otechestvo. 1990. Vyip. 1. S. 11–27.

Man and nature in the creative work by I.D. Sazanov of the 1920–1930s

There is considered the issue “man and nature” as the dominant of the work by I.D. Sazanov of the 1920–1930s. There is analyzed the literature specificity of the writer’s scientific and fiction works for children and young people.

Key words: literature and local history, scientific and fiction work, images of nature, landscape painting, literary tradition.

(Статья поступила в редакцию 23.06.2014)

О.Н. СКЛЯРОВ
(Москва)

К ВОПРОСУ О НОВОМ ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX В. (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Рассматривается специфика литературного неотредиционализма как неклассической разновидности взаимодействия с культурной традицией. Акцент делается не на частных моментах творческого соприкосновения с «чужим словом», а на общей аксиологической мотивации обращения к наследию предшественников.

Ключевые слова: традиция, интертекстуальность, аксиология, классическое, неклассическое, «пушкинская парадигма», традиционализм, авангард, неотрадиционализм.

Современная литературоведческая наука в целом склонна исходить из того, что привычная для многих и весьма популярная в недавнем прошлом дихотомическая схе-

ма «следование традиции – разрыв с традицией» (если трактовать ее прямолинейно и буквально) в значительной мере устарела. В посттрадиционалистский период развития словесности (начиная с заката европейского классицизма и вплоть до рубежа XIX–XX вв., когда «классический» тип мышления окончательно сменился «неклассическим»)* медленно, но неуклонно совершался переход от «вариативности в пределах единой традиции» к «ориентации на существенно разные <...> линии культурного преемства» [6, с. 578]. В настоящее время, убежден И.А. Есаулов (и в этом, заметим, единодушны многие ученые), уже недостаточно одного формального указания на факт преемственности или на ее отсутствие, но всякий раз необходимо «определять, какой именно традиции “следует” тот или иной автор и “разрыв” с какой именно традицией он провозглашает...» [Там же, с. 577]. Иными словами, задача общего разграничения *традиционного* и *контртрадиционного* в литературе ныне уступает место вопросу о специфике взаимодействия «своего» и «чужого» слова. Кроме того, актуальной становится проблема различения конкретных форм и способов обращения с «готовым словом»** культурного предания.

В то же время очевидно, что во второй половине XX в. понятие «традиция» в литературоведении оказалось почти полностью вытеснено всеобъемлющим понятием «интертекстуальность». И даже там, где термин *традиция* продолжал по инерции употребляться, он в большинстве случаев использовался либо механически (в каком-то неотреллексированном, по умолчанию хвалебном значении), либо в чрезвычайно узком смысле – как указание на те или иные частные (фрагментарные) совпадения с опытом предшественников. Таким образом, концепт *традиции (традиционности)*, не исчезнув полностью из искусствоведческого лексикона, подвергся ощутимой редукции (см. об этом: [3, с. 199–210; 19, с. 362–367]).

Примечательно, что в западном и ориентированном на постмодерн постсоветском литературоведении, при всем его внимании к под-

робностям и оттенкам интертекстуальных связей, концепт традиционности (там, где он избежал уничижительного отождествления с феноменами «вторичности», «инерции», «архаики», «отсталости» и т.д.) был фактически низведен до уровня локальных – бессознательно-случайных либо намеренно-игровых – реминисценций и тем самым изъят из сущностного тождества с понятиями «преемственность», «наследование» и «предание», полагающими основной акцент на сознательно-ответственном участии творца в священной эстафете поколений, в соборно мыслимом «общем деле» культурного созидания.

Сказанное заставляет думать, что приснопамятная оппозиция традиционности и контртрадиционности, действительно устаревшая и потерявшая актуальность в одном своем аспекте (в плане неизбежной, многократно доказанной зависимости любого творца от достигнутого предшественниками), ничуть не устарела и не утратила насущности в другом своем измерении, а именно – в аспекте принципиального самоопределения писателя по отношению к культурному наследию как *целому*, к его базовым основам и аксиологическому статусу.

Осознание того, что абсолютная внетрадиционность невозможна, а воспроизводиться и повторяться может все что угодно, даже нигилизм, настоятельно требует от нас не ограничиваться процедурами описания конкретных форм взаимодействия с традиционным материалом, но сосредоточить максимальное внимание на изучении аксиологической мотивации*** обращения к проверенному временем «фонду» литературных универсалий. Так главным предметом научного интереса становится общий модус восприятия традиции, способ позиционирования себя (своего творчества) по отношению к «общему делу» культуры, целостное самоопределение художника в системе ценностей (в аксиологическом *тезаурусе*) национального и общеевропейского культурного предания.

Есть немало оснований полагать, что при попытках осмыслить *новый традиционализм* XX–XXI вв. речь в первую очередь должна идти не об интертекстуальности, не о консервативно понятой национально-культурной «идентичности» и не о «литературной традиции» в узком и специальном понимании (как области воссозданий, заимствований и фор-

*В данном случае мы опираемся на известную периодизацию, введенную в научный обиход С. Аверинцевым [1, с. 5–27] и подхваченную рядом других авторитетных ученых [2, с. 3–38]. Речь идет о стадийной типологии мирового литературного процесса, основы которой были заложены еще Э.Р. Курциусом в фундаментальном труде «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948).

**«Готовое слово» – понятие, введенное в научный оборот А.Н. Веселовским и получившее статус устойчивого термина благодаря трудам М.М. Бахтина и А.В. Михайлова.

***Аксиологический принцип рассмотрения художественного материала в последнее время активно включается в методологию литературоведения (см.: [8; 19, с. 30–36]).

мального («ученичества»), а об особой *традициональной ценностной установке*, предполагающей волю к связи, единству, свободно-согласию перед лицом общей Истины и к утверждению безусловной значимости духовных накоплений человечества. Данная установка постулирует восприятие традиции как фундаментальной ценности, как предмета глубочайшего интереса и осознанного стремления*. Это некая исходная (предшествующая выбору тех или иных линий наследования) аксиологическая позиция, исходящая из абсолютной *необходимости традиции* и абсолютной *необходимости быть причастным ей*.

Со временем все более очевидным становится тот факт, что по-настоящему плодотворной в неклассическую литературную эпоху оказалась линия творческих исканий, равноудаленно пролегающая между двух крайностей: а) интенции попятного движения к домодернистской** эстетике, нежелания принимать во внимание необратимые тектонические сдвиги в эпохальном культурном сознании и б) интенции радикального разрыва с прошлым, пафоса разрушения традиционных основ русско-европейской (эллинико-христианской) аксиологии и эстетической мысли.

Мы не случайно говорим об *интенциях* и *пафосе*, поскольку речь в данном случае, конечно же, может идти лишь о намерениях, устремлениях, декларациях, самопозиционировании, а не о реальном достижении декларируемых целей. Де факто ни абсолютный иммунитет к новейшим веяниям, ни абсолютный разрыв с классическим наследием не могли быть реализованы в полной мере. Вместе с тем общая ментально-аксиологическая направленность исканий, пусть и не осуществляемая на практике полностью, не могла не запечатлеться в конкретных творческих результатах. Так, многие авангардистские творения, при всей своей невольной (*нечаянной*) зависимости от «традиции», несут на себе отпечаток непримиримой борьбы с «репрессивной» властью культурного предания***. Независимо от степени фактической новизны творческого продукта эта мятежная непри-

миримость выступает именно как всеобъемлющая *интенция*, как основной аксиологический вектор художественного высказывания. Аналогичным образом в произведениях писателей-антимодернистов (И. Бунин, И. Шмелев и др.) ключевой интенцией стало демонстративное стремление «не замечать» нашумевших открытий и завоеваний новейшего искусства, а в творениях верных исполнителей идеологического заказа («соцреалистов») – стремление решительно подчинить весь идейно-эстетический арсенал жестким требованиям новой, «единственно-правильной» доктрины [17, с. 45–94]. Что касается упомянутой выше особой линии творческих исканий, пролегающей между сциллой бунтарского своеволия и харибдой охранительного консерватизма, то ее приверженцы неизменно старались сочетать предельную свободу художественного поиска с сыновним (хоть нередко и затаенным, скрытым под маской скепсиса и иронии) почтением к освященным традицией «константам» русско-европейской культуры**** (примечательно, что В. Тюпа возводит начало нового литературного традиционализма в России к поэме Н. Гумилева «Блудный сын» [17, с. 97]).

В разное время предлагались разные термины для обозначения этого – *срединного* – вектора творческих устремлений: *неореализм* (В. Келдыш, Т. Давыдова), *метареализм* (М. Эпштейн), *постреализм* (Н. Лейдерман, М. Липовецкий) и др. В 1990-е гг. В. Тюпа в ряде статей [15; 16; 18] и в книге «Постсимволизм. Теоретические очерки истории русской поэзии XX века» [17] выдвинул концепцию *неотрадиционализма*, которую на сегодня в той или иной мере разделяют многие ученые*****. Избегая прямого противопоставления своей гипотезы уже существующим типологическим моделям, В. Тюпа рассматривает неотрадиционализм как особую «субпарадигму» внутри неклассической парадигмы художественности и как особый тип ментальности, альтернативный не только нигилистическим порывам радикально-авангардного толка, но и новейшему нормативизму, подчиняющему художника жесткой идеологической либо эстетической программе [11, с. 6–15, 97–127].

*По мысли О. Седаковой, интериоризированная традиция есть «предмет <...> глубочайшего одобрения: то, чему можно принадлежать» и «то, чему хорошо принадлежать» [9, с. 375].

**В данном случае речь идет о модернизме в широком смысле – как об эпохальном типе постклассического сознания, включающем в себя не только авангард, но и новейшие формы традиционализма.

***О «репрессивной» силе традиции неоднократно говорил Р. Барт (см. очерк В. Тюпы «Авангардизм» [17, с. 16–42], а также [10]).

**** О формах неявной, псевдоиронической традиционности в поэзии см.: [12].

*****В. Хализев, Е. Тырышкина, Ж. Баратынская и некоторые др. См. также: [11]. В. Хализев признает параллельное существование неореализма и неотрадиционализма [19, с. 375–376]. Активно пользуется названным термином и И.А. Есаулов, однако вкладывает в него несколько иное значение [6, с. 577–579].

В свете названной концепции неотрадициональное мышление предстает как продуктивный синтез важнейших завоеваний поэтики модернизма и фундаментальных принципов традиционной аксиологии искусства, в истоках своих восходящей к эллинско-христианскому* миропониманию, а свое высшее, образцовое выражение в русской литературе нашедшей в творчестве А.С. Пушкина** (на сегодня вряд ли нуждается в доказательствах та истина, что своеобразной матрицей неотрадициональных исканий в русской неклассической поэзии служит «пушкинская парадигма» [13, с. 15–208], комплекс основополагающих и в некотором роде архетипических для всей послепушкинской словесности тем, сюжетов и мотивов, сообщающих ей безусловное идейное и ценностное единство).

Существенно при этом, что, начиная с постсимволизма, связь с классической традицией становилась все более и более сложной, имплицитной, подчас парадоксальной, приобретала характер *неявной* преемственности и *неочевидного*, тайного родства, скрытого за кажущейся безоглядностью новаторского поиска.

Неотрадиционализм в литературе стал своего рода попыткой классического мышления в ресурсе неклассической ментальности. Это движение не возвратно-линейное (реставрационистское), а центростремительное, «радиальное», направленное к ядру художественной традиции, которое никогда не «позади», а всегда *вверху* или *вцентре****; движение, осуществляемое не в силу «роевых» или авторитарных императивов, но в силу самостоятельного осознания ценности общезначимых универсалий.

Сближение, соприкосновение с опытом предшественников оказывалось для неотрадиционально ориентированных авторов XX в. не просто продолжением и «подтверждением» уже известного, но как бы «первооткрытием» прошлого****, раскрытием таких потенциалов в «классиках», которые были неве-

домы до сих пор; т.е. оказывалось принципиально новой рецепцией накопленного массива культуры. Хотя индивидуальные варианты построения взаимоотношений с классическим наследием у писателей-неотрадиционалистов сильно разнятся. В качестве примера можно указать на различия в степени интереса к историческому А.С. Пушкину, скажем, у В. Ходасевича, тщательно изучавшего культуру XVIII – начала XIX в., и у О. Мандельштама, которого больше интересуют еще не реализованные возможности пушкинского подхода к поэзии. Другой пример – многообразие модусов использования религиозно-библейской, христианской символики. Так, у А. Ахматовой она в большинстве случаев (особенно в зрелый период) соответствует личной религиозности автора, хотя и окрашена в подчеркнuto несентиментальные, бесстрастные тона. А, скажем, у О. Мандельштама и В. Ходасевича такая символика, как правило, фигурирует вне прямой связи с личной религиозностью, в качестве сверх-психологических и внеличных универсалий, образующих ценностную квинтэссенцию единой русско-европейской (отчасти – мировой) культуры. При этом в некоторых случаях авангардная и неотрадициональная тенденции могли проявляться в сознании одного и того же автора, вступать в сложное взаимодействие или сменять друг друга в процессе творческой эволюции (примером тому художественные искания того же О. Мандельштама, М. Цветаевой, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого [17, с. 97–127]). «Могущественное противостояние этих духовных сил (авангардно-дивергентных и традиционно-конвергентных стремлений. – О. С.), – замечает В.И. Тютю, – создает то продуктивное напряжение творческой рефлексии, то поле тяготения, в котором так или иначе располагаются все более или менее значительные явления искусства XX века. Такое напряжение нередко обнаруживается внутри самих произведений, поэтому провести однозначную демаркационную линию между авангардистами и неотрадиционалистами едва ли возможно» [16, с. 89]. Порождая разные, зачастую весьма несходные литературные стратегии и стили, неотрадициональный тип ориентации имел, тем не менее, постоянную аксиологическую доминанту. В силу этого индивидуальные творческие траектории писателей данной формации – не совпадающие или параллельные линии, а как бы радиусы, идущие из разных точек к единому центру.

Неотрадиционализм, в отличие от неоклассицистских течений XX в., был не толь-

*Имеется в виду христианизация эллинской классики, осуществленная усилиями средневековых и новоевропейских мыслителей, художников и богословов.

**«Совершенно особое положение А.С. Пушкина в русской литературе и культуре, – по словам В.И. Тютю, – в целом объясняется, по-видимому, его первородством для России в качестве субъекта конвергентной ментальности» [14; с. 33].

***Ср. у О. Мандельштама: «...это свойство всякой поэзии, поскольку она классична. Она воспринимается как то, что должно быть, а не как то, что уже было» [7, с. 49–55].

****В мандельштамовском смысле: «...ни одного поэта еще не было. ...Зато сколько радостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер» [7, с. 49–55].

ко рожден кризисным сознанием модерна, но и принципиально исходил (в творческом плане) из своей кровной укорененности в неклассической ментальности, что, однако, не мешало ему плодотворно взаимодействовать с наследием традиции и искать новые пути к вечным аксиологемам классической культуры. Не случайно столь важную роль в образной системе В. Ходасевича играет библейский символ пшеничного зерна – вечно умирающего и воскресающего начала*. «Поэтическую традицию – замечает о поэте С.Г. Бочаров, – он видит <...> во временах, превращающихся одно в другое, временах воскресающих...» [4, с. 428]. «Видите ли, – говорил Ходасевич в одном из своих последних интервью, – надо, чтобы наше поэтическое прошлое стало нашим настоящим и – в новой форме – будущим. <...> Вот Робинзон нашел в кармане зерно и посадил его на необитаемом острове – взошла добрая английская пшеница <...>... и с традицией надо как с зерном» [5, с. 4].

Пройдя сполна искус индивидуализации, осознав соблазны уединенности и субъективизма, прозрев «тупики» подобного умонастроения и усвоив то продуктивное, что принес модерн (в антропологии, поэтологии, эстетике и поэтике), новый традиционализм заново ставит проблему «общего», объективно-сверхличного. Сложность данного случая в том, что означенный пафос новизны не означал стремления к новым (другим, отличным от прежних) ценностям, что было бы равнозначно отступничеству, разрыву, слому аксиологических основ традиции, т.е. означало бы ровно то самое, в чем обвиняют радикальных авангардистов (именно тут проходит одна из ключевых линий размежевания между неотрадиционализмом и авангардизмом). Это был не поиск новых святынь, а поиск их реактуализации, т.е. нового переживания их насущной жизненности и онтологически-действенного присутствия в актуальной реальности; поиск нового модуса и нового ракурса восприятия ценностей; поиск такого восприятия этих абсолютов, которое ставило бы их в позицию не музейных экспонатов, а жизненно значимых и вдохновительных начал культурного творчества.

Традиционалисты антимодернистского (и до-модернистского) склада не только полагали традиционные ценности непоколебленными (в этом пункте неотрадиционализм скорее солидарен с ними), но стремились к тому, чтобы продолжать утверждать их как «готовое

слово», как самоочевидную и лишённую проблематичности истину вместе с «готовыми» (известными, самоочевидными и испытанными) формами её понимания, почитания, приобщения к ней и действенного её воплощения в культуре. Убежденные контртрадиционалисты, напротив, стремились к радикальному пересмотру всего прежнего ценностного тезауруса и, в пределе, к созданию кардинально нового ценностного поля. Традиционные ценности (универсалии, аксиологемы, парадигмы) дезавуировались ими как архаичные, исчерпавшие свой потенциал продуктивности и тормозящие творческое развитие культуры, становились предметом развенчания и ниспровержения, третировались в качестве изживших себя стереотипов. Неотрадиционализм же, не отвергая в принципе традиционные ценности, увидел их как загадку и тайну, вызывающую к новым духовным и творческим инициативам, а сферу жизненной реализации этих ценностей – как культурную «проблему», требующую актуального решения.

Литература

1. Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.
2. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л. [и др.]. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.
3. Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. М., 2012.
4. Бочаров С.Г. «Памятник» Ходасевича // Его же. Сюжеты русской литературы. М., 1999.
5. Городецкая Н. В гостях у Ходасевича // Возрождение. 1931. 22 янв.
6. Есаулов И.А. Традиция в литературе // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. 4-е изд. М., 2011.
7. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. М. : Прогресс-Плеяда, 2010. Т. 2.
8. Попова Е.В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
9. Седакова О.А. Четыре тома. *Moralia*. М., 2010.
10. Скляр О.Н. «В заговоре против пустоты и небытия»: неотрадиционализм в русской литературе XX века. М., 2014.
11. Скляр О.Н. «Есть ценностей незыблемая скала...»: неотрадиционализм в русской поэзии 1910 – 1930 годов. М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 16–37.
12. Скляр О.Н. «И Господь его знает, куда плывем...»: Мотив скитаний и позиция лирическо-

* Ин, 12: 24. См. стихотворение В. Ходасевича «Путем зерна» («Проходит сеятель по ровным бороздам...»), давшее название третьей книге поэта.

го субъекта в «Невидимых» Б. Кенжеева // Вестн. ПСТГУ. Сер. III : Филология. М., 2013. №1(31). С. 71–82.

13. Сурат И.З. Мандельштам и Пушкин. М., 2009.

14. Тюпа В.И. Дискурсные формации. М., 2010.

15. Тюпа В.И. Неотрадиционализм, или четвертый постсимволизм // Постсимволизм как явление культуры. М. : РГГУ, 1995.

16. Тюпа В.И. Поляризация литературного сознания // Literatura rosyjska XX wieku. Nowoczesny. Noweproblemy. Seria «Literaturanapograniczach». Warszawa, 1992. № 1.

17. Тюпа В.И. Постсимволизм. Теоретические очерки истории русской поэзии XX века. Самара, 1998.

18. Тюпа В.И. Четыре парадигмы художественности в литературном сознании XX в. // Русская культура и мир. Нижний Новгород, 1993.

19. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2005.

* * *

1. Averincev S.S. Drevnegrecheskaja pojetika i mirovaja literatura // Pojetika drevnegrecheskoj literatury. М., 1981.

2. Averincev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L. [i dr.]. Kategorii pojetiki v smene literaturnyh jepoh // Istoricheskaja pojetika. Literaturnye jepohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. М., 1994.

3. Aver'janov V.V. Tradicija i dinamičeskij konservatizm. М., 2012.

4. Bocharov S.G. «Pamjatnik» Hodasevicha // Ego zhe. Sjuzhety russkoj literatury. М., 1999.

5. Gorodeckaja N. V gostjah u Hodasevicha // Vozrozhdenie. 1931. 22 janv.

6. Esaulov I.A. Tradicija v literature // Vvedenie v literaturovedenie / pod red. L.V. Chernec. 4-e izd. М., 2011.

7. Mandel'shtam O. Je. Polnoe sobranie sočinenij i pisem. М. : Progress-Plejada, 2010. Т. 2.

8. Popova E.V. Cennostnyj podhod v issledovanii literaturnogo tvorčestva : dis. ... d-ra filol. nauk. М., 2004.

9. Sedakova O.A. Chetyre toma. Moralia. М., 2010.

10. Skljarov O.N. «V zagovore protiv pustoty i nebytija»: neotradicionalizm v russkoj literature XX veka. М., 2014.

11. Skljarov O.N. «Est' cennostej nezyblemaja skala...»: neotradicionalizm v russkoj poezii 1910 – 1930 godov. М. : Izd-vo PSTGU, 2012. S. 16–37.

12. Skljarov O.N. «I Gospod' ego znaet, kuda plyvem...»: Motiv skitanij i pozicija liricheskogo subekta v «Невидимых» В. Кенжеева // Вестн. ПСТГУ. Сер. III : Filologija. М., 2013. №1(31). С. 71–82.

13. Сурат И.З. Мандельштам и Пушкин. М., 2009.

14. Тюпа В.И. Diskursnye formacii. М., 2010.

15. Тюпа В.И. Neotradicionalizm, ili chetvertyj postsimvolizm // Postsimvolizm kak javlenie kul'tury. М. : RGGU, 1995.

16. Тюпа В.И. Poljarizacija literaturnogo soznaniya // Literatura rosyjska XX wieku. Nowoczesny. Noweproblemy. Seria «Literaturanapograniczach». Warszawa, 1992. № 1.

17. Тюпа В.И. Postsimvolizm. Teoreticheskie očerki istorii russkoj poezii XX veka. Samara, 1998.

18. Тюпа В.И. Chetyre paradigmy hudozhestvennosti v literaturnom soznanii HH v. // Russkaja kul'tura i mir. Nizhnij Novgorod, 1993.

19. Halizev V.E. Teorija literatury. М., 2005.

Considering the issue of the new traditionalism in the Russian literature of the XX century (axiological aspect)

There is considered the specific character of the literary neotraditionalism as a neoclassic variety of correlation with the cultural tradition. The emphasis is placed not on some particular moments of the creative contact with the “strange word” but on the general axiological motivation of the appeal to the ancestor’s heritage.

Key words: tradition, intertextuality, axiology, classical, neoclassical, “Pushkin’s paradigm”, traditionalism, vanguard, neotraditionalism.

(Статья поступила в редакцию 8.07.2014)

С.А. КОВАЛЕВ
(Волгоград)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПОВЕСТИ О. ЕРМАКОВА «ВАРИАЦИИ»

Рассматриваются литературные традиции в повести О. Ермакова «Вариации» через «диалогические отношения» между названием и эпиграфом.

Ключевые слова: литературные традиции, заглавие, эпиграф, Пушкин, Пастернак, Ермаков.

Повесть «Вариации» (2000) для читателей, знакомых с прозой О. Ермакова, вошедшего в русскую литературу с «афганскими» произведениями («Афганские рассказы», 1989; «Знак зверя», 1992), стала подлинным откровением. Здесь писатель, прежним героям которо-